

ЗАГОВОР

**СОРВАТЬ
ЗАГОВОР**

СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ

ИСРАЭЛЬ ШАМИР

**Дарья Асламова
Израэль Шамир
Шура Буртин
Сорвать заговор
Сионских мудрецов
Серия «Заговор»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376287

Сорвать заговор Сионских мудрецов./Шамир И.: Алгоритм; Москва;

2010

ISBN 978-5-6993-9520-0

Аннотация

В XX веке «старые элиты» ушли со сцены, их место заняли почитатели Мамоны. «Мамонцы», как называет их И.Шамир, стремятся захватить в свои руки штурвал власти над миром. Для них любой, кто не поклоняется культу наживы – уже фашист, любой, кто не их крови – недочеловек. Заговор против свободы действительно существует. Под руководством сионских мудрецов его осуществляют «новые мировые элиты», использующие против своих народов, по наущению израильского лобби, спецслужбы и СМИ. Однако 11 сентября 2001 г. была сломана волшебная пентаграмма Пентагона и рухнула Вавилонская башня Близнецов.

Близок день, когда мировой заговор сионских мудрецов будет сорван. Об этом новая книга известного израильского писателя и журналиста И. Шамира.

Содержание

Вместо предисловия	5
Как убить в себе еврея	5
Убить в себе еврея может каждый	8
Война духа[1]	33
Апокалипсис – сейчас	33
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Израэль Шамир Сорвать заговор Сионских мудрецов

Вместо предисловия

Как убить в себе еврея

«Призрак ходит по планете, призрак избранничества евреев. Этот призрак сводит людей с ума... Этой формой душевной болезни страдает значительная часть израильского населения. Болезнь позволяет ведущим израильского телевидения говорить, что еврейского ребенка «убивают (нирцах) гнусные убийцы», а гойский «умирает (нехераг) в столкновении с армией». Она позволяет возмущаться взрывом автобуса в Хедере и восхищаться бомбежкой Газы. Она позволяет хоронить русских олимпов (иммигрантов) за забором кладбища и отбирать поля и рощи у палестинцев. Болезнь эта дошла до того пункта, когда у нас с ней, как говорится, осталось только одно разногласие, да и то по земельному вопросу: или она нас похоронит, или мы ее» – так пишет в своей книге «Каббала власти» знаменитый израильско-русский

писатель и публицист Израэль Шамир.

Мы сидим с Израэлем в прекрасной прохладной зале, продуваемой ветром с моря, в городке Яффа и мирно пьем арак. «Я убил в себе еврея», – спокойно говорит этот маленький улыбчивый человек. «Каким образом?» – удивляюсь я. «Стал православным христианином. Меня крестил палестинский архиепископ. Я хожу в арабскую православную церковь и молюсь вместе с палестинцами». «А если вы почувствуете, что еврей в вас снова просыпается?» – коварно спрашиваю я. «А я его снова замочу, – смеется Израэль. – Каждый еврей может и должен замочить в себе еврея». «А не боитесь, что вас обвинят в антисемитизме?» – «Антисемитами называли Т.С. Элиота и Достоевского, Жене и Гамсуна, святого Иоанна и Йетса, Маркса и Вуди Аллена – и я предпочитаю быть в их компании».

Израэль Шамир, бывший советский диссидент, приехал в Израиль в 1969 году убежденным сионистом, участвовал в войне Судного дня в 1973-м. В конце семидесятых глубоко разочаровался в сионизме, придя к выводу: иудаизм и сионизм – опасные формы расизма. «Евреи не более кровожадны, чем остальное человечество. Но безумная мысль об избранности, мания превосходства – расового и религиозного – движущая сила любого геноцида, – пишет он в своей книге «Каббала власти». – Когда японцев поразила вирус этой болезни в 1930-х, они раскурочили Нанкин и ели печень пленных. Немцы, одержимые комплексом арийского превосход-

ства, завалили Бабий Яр трупами. Вдумчивые читатели библейских книг Иисуса Навина и Судей, отцы-основатели Со-единенных Штатов, примерили на себя корону избранничества и почти полностью истребили индейцев».

«Я приехал в Израиль молодым националистом, из тех, что видят палестинцев только через мушку, – объясняет Израэль Шамир. – Потом началась коррекция. Евреи сейчас переживают волну опьянения национализмом. Но это не навеки. Немцы тоже пережили волну тяжелого националистического угара. Проблема в том, что евреям удалось за столбить за собой нишу манипулирования сознанием – мировые СМИ. Создан огромный аппарат оглупления и пропаганды. Но и с этим можно справиться. В конце концов есть Интернет». – «Вы не чувствуете себя паршивой овцой в вашем племени?» – «Я должен быть там, где правильно. И правильно не для моего племени, а для всех. В XXI веке племенной подход устарел».

Дарья Асламова (КП)

Убить в себе еврея может каждый

Мы с Шамиром сидим в кафе в Рамалле. С нами палестинский профессор Гасан Абдалла и его французская жена.

– Мы с Гасаном всегда спорим, – смеется Шамир. – Он не любит ХАМАС, а мне он нравится.

– ХАМАС?!!

– Да мне вообще нравятся верующие: хорошо, когда люди думают о душе. Хамас заботится о людях, делает много хорошего – школы, больницы. Они не коррумпированы...

Тут француженка вспоминает, что книги Шамира запрещены во Франции за антисемитизм.

– Вы правда ненавидите евреев?

– Да нет, конечно. Сартр сказал, что все люди – евреи, или могут ими стать. У меня позиция обратная – мне кажется важным убить еврея в себе. То есть отказаться от национального эгоизма, от «вы тоните, а я поплыву».

Я много лет то тут, то там слышал про Исраэля Шамира, но в образ эти сведения не складывались. Советский диссидент, борец за право евреев на выезд в Израиль, израильский спецназовец, военный корреспондент во Вьетнаме, переводчик великого еврейского писателя Шмуэля Йосефа Агнона, тончайший знаток иудаизма, японист, колумнист русофильских газет «День» и «Завтра», лидер израильских ультралевых, выступающий за демонтаж еврейского государства, са-

мый известный в мире израильский публицист, автор нового русского перевода «Одиссеи». Казалось, это какие-то разные Израэли Шамиры – может, однофамильцы.

Но по телефону отвечает конкретный Шамир – хриплый, веселый и расслабленный: «Потрепаться про Палестину? А я туда завтра еду, присоединяйтесь».

Он подбирает нас на трассе Тель-Авив – Иерусалим и оказывается низеньким, коренастым, загорелым шестидесятилетним мужичком. Похож скорее на араба, чем на еврея. Глаза веселые, очень живой, дружелюбный – но себе на уме.

– Сначала заедем в Иерусалим, я вам кое-что покажу...

Мимо тянутся скучные типовые городки. За десять лет, что я тут не был, Израиль очень изменился. Раньше было ощущение, что ходишь по фанерным декорациям, наспех выстроенным на Луне. Шаг в сторону – и из театра людской жизни попадаешь в древнюю пустыню, где бродили со своими стадами пророки. Чувствовалось, что стране всего пятьдесят лет – мгновение в истории этой земли.

Теперь это свежее чувство исчезло, все позастроили. Население сильно выросло, город поглощает равнину: весь Израиль-то – сорок километров в ширину. В городках – лес многоэтажек. Здесь стало как-то обычно и скучно.

Но хайвей несется в гору, мимо начинают мелькать сизые каменистые холмы – и вдруг я их узнаю: в их форме словно звучат строки Библии. Удивительно, но в тексте каким-то образом запечатлелся этот рельеф. Обычные вроде горы, но

глядишь – и совершенно ясно, что Библия была написана здесь.

– Вы, наверное, самый известный антисионист – а начинали сионистом.

– Да, по молодости был большим антисоветчиком. Ну, знаете, в 60-х был большой душевный подъем, надежды, что что-то изменится, жизнь пойдет дальше. Конечно, занимались всякой диссидентурой, я дружил с Сашей Даниэлем, Вадиком Делоне. Но все это закончилось с вводом войск в Чехословакию в 1968-м. Это был ужасный облом. Я жил

в Новосибирске, помню, мы с другом, Степой Пачиковым (в будущем – одна из ключевых фигур российского программного бизнеса – «PP»), ходили ночью по Академгородку и писали на стенах: «Руки прочь от Чехословакии!». Все надежды рухнули, но народ был энергичный, а я-то особенно, – мы все бросились искать другие дела. И тут как раз появился на горизонте сионизм. Тоже было интересно: подполье, кружки иврита. Были явки, приезжали евреи со всего Союза – из Грузии, с Украины, из Прибалтики, Бухары, все такие разные, узнавали друг о друге. В лесах собирались, на Рижском взморье, на одесском Лимане. Сидели у костра, пели еврейские песни, рассказывали басни про героическую борьбу. Было очень весело. Это было очень жизнерадостное движение – в отличие от диссидентов, которые пили «за успех нашего безнадежного дела». А там были ясные, осуществимые цели, и от этого был оптимизм.

Знаете, что я в этом нашел? Это же были 60-е, молодежь везде увлекалась национально-освободительной борьбой, грезила Вьетнамом, Кубой. Потому что там была простая, очевидная справедливость. Им тоже хотелось быть в джунглях, среди партизан – или хоть помитинговать в их поддержку. А тут тоже получалась такая борьба, только еще оказывалось, что ты сам вьетнамец.

– А как вы стали спецназовцем?

– Ну, я приехал, меня встретили замечательно. Все тут было сказочно: евреев из России были единицы, все носились со мной, как дурень с писаной торбой. Ну а когда к человеку хорошо относятся, хочется дать больше. Я тогда в армию пошел. Армия мне понравилась, получил очень много удовольствия. Служил в замечательных десантных частях, у нас были такие красные ботинки, я ими очень гордился. Да и физически очень полезно побегать по горам.

Ну а потом война началась – война Судного дня, с Сирией и Египтом. Война – это тоже, знаете, красиво и интересно. Война – вещь увлекательная, мощь, стихия. Мальчишки любят такие вещи. Здорово это – бегать, стрелять.

И задачи у нас интересные были – это достоинство десантных частей. Например, забросили глубоко в тыл, фиг знает куда, на дорогу Суэц – Каир, отрезать снабжение египтян. Сидим: с одной стороны прут танки, с другой – пехота. Интересно! Помню, когда в первый раз попал под артобстрел, подумал: «Это же ведь они, дураки, и попасть по нам могут!

Что они, не видят, что ли, нас?» Конечно, грустно, что люди гибнут, но на войне как-то по-другому к этому относишься. В общем, очень мне понравилось. Потом я демобилизовался, но хотелось еще. Я тогда уехал во Вьетнам, Лаос, Камбоджу – военным корреспондентом. Хотя, конечно, другая война, и журналистом быть гораздо легче, чем солдатом.

А с другой стороны, именно в армии я увидел Палестину. Помню, бегал на тренировке по лагерю, а за колючей проволокой крестьянин с сохой боронил землю вокруг масличных деревьев. И так я ему завидовал! Мне ужасно захотелось тоже родиться тут, на склоне холма, среди коз, у виноградника.

Лифта

Машина карабкается в гору, на которой раскинулся Иерусалим. Но Шамир вдруг паркуется где-то на автостраде, среди бетонных развязок. По пыльной тропинке мы спускаемся в ущелье и видим заброшенную арабскую деревню.

– Вот причина того, что происходит в Газе. Это Лифта, жителей выгнали в 48-м и не позволили вернуться. Таких деревень четыреста пятьдесят. Большинство их снесли бульдозерами и засадили лесом, чтобы и следа не осталось. Газа – это дети и внуки жителей, согнанных отсюда.

Деревня красивая, по склонам раскиданы роскошные каменные дома арабской архитектуры. Заходим – пусто, копать и дыра в потолке.

– Военные проломили крыши, чтобы люди не вернулись. Сразу после войны жители стали просачиваться в родные места, их отлавливали и расстреливали или высылали. Даже тем, кто убежал в соседний город, вернуться не разрешили. Поля и сады объявляли военным районом, не разрешали обрабатывать, а потом конфисковывали как необработываемые.

Мы вылезаем на крышу красивого старинного дома. Отсюда видна вся мертвая деревня. На холмах вокруг уже торчат иерусалимские новостройки. А тут странный кусок вечного 48-го года.

– Я слышал, что палестинцы ушли сами, надеясь вернуться, когда арабские армии скинут евреев в море.

– Да, израильтяне шестьдесят лет талдычат эту бессмысленную мантру. Убежали они, как все беженцы, от войны, жизнь спасали. Какая разница, на что они там надеялись? Евреи же не спросили их, когда основали тут свое государство. Это что, основание отнять у них дом? Сионисты считали Палестину пустой – то, что тут жили полтора миллиона человек, их не смущало. Когда палестинцы убежали, они очень обрадовались: это им и было надо. Главный израильский аргумент: война с арабами вечна, неизбежна, они нас мечтают сбросить в море, генетически ненавидят... На самом деле эта риторика нужна, чтобы не говорить о грабеже, не отдавать захваченное.

– Да, но зачем арабы держатся именно за эти места? Из-

раиль маленький, а арабский мир большой.

– Евреям, да и вообще горожанам, непонятно, что тут такого. Еврей думает: «Что бы я сделал на их месте? Ну, прогнали. Займусь чем-нибудь другим, пошлю детей в университет, открою магазин, сменю специальность». Что чувствует человек, прикипевший к земле, ему трудно понять. А здесь у людей вся жизнь связана с местом: я принадлежу к моей семье, к моей деревне. В другую деревню переехать – как семью сменить: абсурд. Он и воевать за Палестину не будет, только за свое село. Для людей это была катастрофа, уже три поколения прошло, а они все себя беженцами ощущают. Да и куда они поедут? Никто их не ждет. Люди сидят в секторе Газа, как в тюрьме, как сельди в бочке, без работы, без еды, и даже посмотреть на свои дома не могут – вот вам и терроризм. Ладно, поехали, на живых людей посмотрим – они сами все расскажут.

Нагорье

Снова петляем по автострадам, плотно покрывающим Израиль. Он такой маленький, а народу так много, что постоянно испытываешь клаустрофобию. Куда ни поедешь – через два часа будет граница на замке, за которой враги. Городки становятся все тоскливее: безобразные бетонные коробки, никакой связи с пейзажем.

– Если муравей начнет строить, он построит муравейник.

Если еврей начнет строить, он построит гетто.

– Похоже на брежневскую архитектуру.

– Конструктивизм тут популярен, как в СССР, люди подсознательно стремятся искоренить следы реального прошлого. Оно мешает официальной идеологии. По-своему Израиль – страна еще более наивная, чем Союз. Я сюда все-таки приехал из 60-х, хоть и советских. Приезжаю – такой молодой, либеральный, а тут искренне восхищаются выправкой солдат или маршем, поют патриотические песни типа «Широка страна моя родная». Будто на машине времени куда-то уехал. Конечно, потом тут происходили какие-то подвижки, но, с другой стороны, мир вокруг пятится назад. Дремучий израильский подход стал господствующей парадигмой на Западе. Раньше меня здесь ужасно тошнило от всех этих проверок – в магазине, в автобусе. А теперь они по всему миру, в Америке меня заставили штаны снять при посадке в автобус. Здесь создали эту идею терроризма, сам терроризм, идею борьбы с ним. Все это такой бред, что слов нет. Борьба с автоматами Калашникова. Терроризм – это же просто орудие...

На задворках очередного городка мы плутаем вдоль бесконечного забора с колючей проволокой – это один из бесчисленных заборов, отгораживающих арабов от евреев.

Наконец посреди какой-то свалки находим ворота, за которыми израильский КПП.

– Это непопулярный выезд, только свои ездят, здесь не

очень шмонают. Я тут собаку съел, – улыбается Шамир. – Я же сюда экскурсии вожу, на жизнь зарабатываю.

Молоденький суровый солдат притормаживает машину, глядит на водителя – и пропускает. Шоссе ведет в еврейское поселение на территориях. Мы проезжаем метров сто и резко сворачиваем на ведущий в горы проселок. На бетонной плите краской от руки написано: «Израильтянам въезд запрещен».

– Это арабы написали?

– Да нет, наши, конечно. Евреям запрещено ездить в Палестину. Официально – потому, что несколько человек тут убили. А на самом деле – чтобы люди не общались. Нормальный израильтянин в жизни сюда не поедет.

Проселок круто лезет в гору – закладывает уши, и распахивается удивительный вид. Под нами весь Израиль, до утонувшего в дымке моря. Легче дышать, прохладно, и нет клаустрофобии. Мы скользим по сухим палевым холмам, усеянным черными камнями и сизыми деревцами олив. Вот она, Иудея, древнее палестинское нагорье.

Въезжаем в деревню. Подсознательно я ожидаю увидеть разруху и злобную дикость – а вижу обычную сельскую жизнь: женщина в ярком платке ведет ребенка, старики сидят в чайной. Удивительно, что тесная современность совсем рядом, всего в каких-нибудь трех километрах – из деревни отлично видны бетонные израильские городки внизу. На одной из развилок на стене вижу граффити: улыбающиеся-

ся Ясир Арафат и Саддам Хусейн с винтовками – это единственный признак сопротивления. Несколько раз мы оста-навливаемся, Шамир по-арабски спрашивает дорогу. Нам отвечают с дружелюбным любопытством.

– Да, конечно, очень симпатичный народ, крестьянский. Очень мирный на самом деле. Это вам не чеченцы, те правда умеют воевать. А палестинцы не умеют, не воевали сотни лет – порядок был в Османской империи. Поэтому, когда приехали евреи, они оказались совершенно неспособны дать отпор. Только последние лет тридцать чуть-чуть научились за себя стоять, структуры какие-то появились. Стойкие они – это да. На самом деле единственное, чего они добились, – что в мире о них говорят. Вот я сейчас был в Кашмире, там выгнали несколько сот тысяч индуистов, но никто об этом и не говорит, и не думает...

Настя

Въезжаем в красивое, добротное село Батир. Дома новые, и все равно чувствуется, что это старый мир.

– Да, Батир очень древнее село, когда-то здесь римские легионеры осадили повстанцев Бар-Кохбы – был у нас тут такой местный Басаев. На самом деле это тоже пригород Иерусалима, здесь до конечной остановки минут сорок ходьбы. Но волею судьбы получилось, что это уже – территории.

В центре деревни мы останавливаемся у большого араб-

ского дома. В воротах нас встречает маленькая беленькая русская девушка.

– Вот Настя вам все расскажет, она местный житель, замужем тут. Только, пожалуйста, не называйте меня здесь Израэлем, люди могут напрячься. Зовите Адамом, меня так крестили.

Настя ведет нас во внутренний дворик. Вокруг расстеленной на полу длинной скатерти сидят молодые женщины в платках, бегают дети, улыбающийся мужик с четками встает, чтобы обняться с гостями. Настя берет у одной из девушек своего восьмимесячного сына и ведет нас наверх.

– Тут четыре этажа: когда следующий сын женится, новый достраивают.

У Насти свой этаж с широкими панорамными окнами, из которых открывается вид на горы. Далеко внизу скользит нитка поезда.

– Это дорога Тель-Авив – Иерусалим. При англичанах здесь даже станция была, – объясняет Шамир.

– А где ваш муж?

– В тюрьме сидит, вам Адам не сказал разве? Уже четвертый раз.

– За что?

– Меня повидать хотел. Я в основном в Иерусалиме живу, я же медсестрой работаю в детской больнице. Ну, он приходит ко мне, а полиция его ловит. Палестинцам ведь нельзя в Израиль, но Джелал город хорошо знает – пробирается. В

марте суд будет, год могут дать.

– Но вы ведь женаты?..

– Да, местный кади нас поженил, но Израиль этого не признает. Если бы я была мусульманкой – пожалуйста. А еврейка выйти замуж за мусульманина не может. Говорят: примайте ислам. А шариат-то этого не требует: нас поженили, хоть я православная.

– Даже если бы она перешла в ислам, – говорит Шамир, – ничего бы не вышло. Закон о воссоединении семей на палестинцев не распространяется. Если палестинские и израильские арабы женятся, им не разрешается вместе жить. Этот закон был осужден ООН как расистский, но это никого не волнует. Вот я сам когда-то боролся за право советских евреев выехать в Израиль – для воссоединения с троюродной теткой. Тогда евреи всего мира требовали этого от СССР. А палестинец не то что воссоединиться – даже навестить детей в Израиле не может...

– Как же вас угораздило выйти замуж за палестинца?

– Да обычно: познакомились, влюбились. Он в Иерусалиме жил, раньше-то можно было. А предрассудков у меня никогда не было: я в больнице работаю, там арабов много – и врачей, и сестер, и детей.

– А как вас семья приняла?

– Хорошо, они очень простые люди, деревенские. У меня папа из-под Архангельска, помор – так они мне очень ту мою родню напоминают. Они меня любят, хотя я для них инопла-

нетянка. Им неважно, кто я, Джелал женился – и хорошо. Отец Джелала меня каждый раз встречать и провожать ездит. И детей наших они очень любят. Они сейчас здесь живут, я же работаю все время.

– А Джелал что делает, когда не сидит?

– Он и столяр, и строитель, и грузовик водит, ну и крестьяне они все. И отец у него, и братья – все грамотные ребята, рукастые, что хочешь починят. Раньше в Иерусалиме работали и теперь пробираются, но ведь каждый день посадить могут.

– Они не думают, что из-за вас у них проблемы, сын в тюрьме сидит?

– Они-то не думают, да я сама переживаю. Жена-еврейка, судьба-злодейка.

Мы спускаемся вниз, Настин свекор нежно берет на руки маленького Адама, провожает нас до машины. Естественные человеческие отношения странно смотрятся в мире, поделенном на своих и врагов. Мы едем к местному источнику, который Шамир хочет нам продемонстрировать.

– Да, милые люди, – говорю я Насте в машине.

– Они вообще-то не совсем обычная семья. У них и свободы больше, и имена они странные дают – Аид, Инд, Лара, Яра. Не арабские, сами выдумывают. И еще они мяса не едят, даже на Курбан-байрам барана не режут. Женщины иногда едят, а мужчины – никогда. Сколько раз их спрашивала почему – только улыбаются.

– Может, они не мусульмане?

– Да нет, мусульмане. Это вообще уважаемая семья, дед Джелала старостой был.

– Вообще-то, если по-человечески посмотреть, – говорит Шамир, – Настя сделала прекрасный выбор: хороший парень, добрая семья, работающие люди, дом за городом. Если бы не «пятый пункт». Вот поэтому я и выступаю за создание единого государства, чтобы все были гражданами – и евреи, и палестинцы.

– Но тогда Израиль перестанет быть еврейским государством...

– Ну и что страшного? Не будет Израиль еврейским государством, а будет нормальным, обычным – и хорошо. Перестанет с соседями воевать наконец. Идея национального государства – это же старье, из XIX века, нигде почти уже нет такого.

– Но палестинцы, кажется, хотят свое государство?

– Да палестинцы требуют его от отчаяния, им не независимость нужна, а возможность жить на своей земле нормально. Да и нет ведь никакого палестинского государства, это все анекдот, словесность. Израиль не дает Палестине независимости, де-факто это все равно одна страна.

Святые места

Источник оказывается невзрачным ручейком, бегущим из

каменного домика.

– Они тут им очень гордятся, ухаживают. Деревня состоит из семи семей, человек по пятьсот, – поливают по очереди, один день в неделю. Здесь у них баклажаны знаменитые...

Источник большого впечатления не производит, но Шамир весь расплывается в улыбке, демонстрирует его с гордостью, словно мы наконец увидели что-то поистине замечательное. В его «Сосне и оливе», лучшем путеводителе по Палестине, чуть не половина книги посвящена подробному описанию источников, как будто это какие-то чудеса света.

– Да это и правда чудо. Во-первых, их мало осталось, потому что израильтяне воду всю выкачали. Но вообще вам это трудно понять. В Европе каждая речка больше, чем тут все вместе взятые; вырыл ямку – вода. А у нас вся история, вера – все связано с источниками. К ним нельзя просто так вот подъехать на машине. Нужно долго брести, чтобы глаз утомился от всех этих гор, однообразия, солнца, прожариться надо как следует – тогда обрадуешься роднику, тени от оливы, смоковнице. Эстетика Палестины, как в Японии, – скупая земля, горы, изредка маленький источник в тени. Лаконичная природа, ничего рубенсовского, жиромясого не найдете. Дорога до источника, подготовка – важнее, чем сам источник.

– Говорят, вы объехали Палестину на ослике?

– Да, поехал в Хеврон, на базар, купил серую ослицу Линду и делал вылазки по окрестным селам. Осел – гениальное

животное, для лошадей тропинки тут слишком крутые. Ездил от источника к источнику, поил Линду, пил сам – везде разный вкус. Потом заезжал в села, толковал с людьми о погоде да урожае. Если человек на осле – сразу видно, что не бандит. С детьми тоже хорошо путешествовать. Посторонние тут в диковинку – обязательно позовут на чашку кофе, расскажут что-нибудь. Я расспрашивал про историю, про святые места. Сейчас поедem в Ясуф, покажу вам вали, святое место.

До Ясуфа четыре часа езды, но мы добираемся вечность: десяток блокпостов, на каждом проверка документов. Наконец в полумиле от деревни утыкаемся в насыпь, дальше ехать нельзя, только пешком.

– Официально – для обеспечения безопасности дорог, по которым ездят еврейские поселенцы, чтобы палестинцы по ним не ездили. А вообще-то просто жизнь портят. По обе стороны дороги – горелые, вырванные с корнем оливы.

– Поселенцы вырубают рощи. Два года назад мы с друзьями-палестинцами собирали здесь оливки – на нас напали поселенцы с автоматами под прикрытием машины солдат. Пугали нас, орали, закидывали камнями, а солдаты наблюдали. Пришлось уйти, они много народу так перестреляли. Они стараются не пускать крестьян на поля: если пять лет не обрабатываешь, земля переходит государству, а оно отдаст ее поселенцам. Теперь здесь у людей и работы нет, и землю почти всю отобрали. На краю села крутой холм. Он рас-

чесан лесенкой террас – тысячелетиями крестьянских усилий. Навстречу попадаете молодой парень с хворостиной и ишаком, он поет. Весело с нами здороваются и бежит дальше вниз по склону.

– Когда стал ездить, я постепенно понял, что их жизнь притерта к этой земле. Жить по-другому здесь и нельзя, и не надо. Палестинцы разводят овец. Овцы животные благородные, их же нельзя загнать в клетки и кормить с конвейера – подохнут, надо в горах пасти. Палестинцы растят оливы – тоже много ручного труда, машиной не обработаешь. И люди заняты, живут себе, как библейские патриархи. С точки зрения капитализма это очень нерентабельно. Слава Богу, что им не дают кредитов, а то бы, наверное, тоже занялись курами и говядиной, построили бы промышленные фермы, где скотину пытаются, машины бы поставили, поувольняли всех. Это ключевой израильский миф: Палестина лежала бездыханно, а мы пришли и воскресили. А палестинцы-то считают, что она и раньше была в полном порядке.

На плоской вершине гранатовая рощица, в ней маленькое квадратное здание с белым куполом. Это вали, святое место. Внутри домика пусто, в каменной нише лежат свечи.

– Старое оно?

– Лет пятьсот, но камни тут старые, тесаны четыре тысячи лет назад примерно. Местные жители считают, что это гробница святого, шейха Абу Зарада. Но они и сами не очень знают, кто такой был Абу Зарад. Потому что это неважно. Ко-

гда-то тут почитали Ваала и Астарту, потом они стали маскироваться под библейских патриархов, потом под христианских святых, теперь под мусульманских. Имена на гробнице меняются, но к ним не стоит серьезно относиться, не от могил же святость. Она изначальна, с древности. Объяснения меняются, но на самом деле источник святости – рельеф, место, где люди чувствуют близость к Господу.

Люди в этих деревнях живут тысячи лет и ходят на эту гору, молятся. Женщины просят суженого, чтобы муж любил, чтобы роды были легкие, дети здоровые. Мужчины – урожай. В общем – благодати. Официальные религии сменяют друг друга, а люди те же. Мне вот такие вали больше нравятся, чем всякие известные гробницы. Там ведь можно только отметить, а чтобы понять духовный поиск пророков, нужно поставить себя на их место – оказаться вот тут, на такой безымянной высоте. Просто тут, как бы это сказать, хороший прием у души.

Но скоро здесь, кстати, вышку для мобильных поставят. Уединению шейха придет конец, как и всей пасторальной Палестине.

Евреи и арабы

– Вы первым высказали крамольную мысль, что палестинцы – потомки древних евреев?

– Да нет, конечно, не я первый. Доизраильские историки

Палестины тоже это отлично знали. И сейчас на Западе это всем очевидно. Это чисто израильский миф: евреев прогнали римляне, а арабы-кочевники «завелись» здесь в седьмом веке. Но и здесь серьезные ученые все понимают: большинство населения никуда не уезжало. Есть же раскопки, они ясно свидетельствуют, что село не разрушалось три тысячи лет. Езжайте в Абуд, Эль-Джиб, посмотрите на древние дома, церкви – вы увидите, что жители не свалились с Луны. Люди мигрируют очень мало, мигрируют идеи, языки.

Вскоре после Христа большинство евреев стали христианами – это ведь не воспринималось как переход в какую-то другую религию. «Чистый» иудаизм сохранился только в среде ученых, священников, по большей части в диаспоре. В этих общинах, как и у христиан, было большое религиозное творчество, возникли Мишна и Талмуд, традиция углубленного изучения закона, гностической премудрости. С другой стороны, они отменили многие вещи – пасхальную жертву, храмовые обряды, священство, кстати, как и русские староверы. Так родился современный иудаизм. Наши грамотные прадеды в местечках так и считали. Для них иудейская вера начиналась не с Моисея, а именно с мудрецов, с Мишны и Талмуда. Библия для них тоже была Ветхим Заветом, предысторией, материалом для толкований. Библейские персонажи вспоминались лишь постольку, поскольку о них говорил рабби Ханина или рабби Асси.

Короче, современный иудаизм – такое же продолжение

библейской религии, как христианство. Никаких специальных прав на эту традицию у него нет. Названия обманчивы. Православие даже ближе к библейскому иудаизму, чем современный иудаизм. Православная церковь устроена, как Иерусалимский храм, там есть святая святых, куда входит только священник, да и по литургии тоже... Палестинские христиане-арабы – точно такие же наследники древних евреев, как и израильтяне, даже прямее, потому что никуда не уезжали.

– Но сейчас тут большинство мусульмане.

– Да ведь и ислам не был чем-то чужим. Почему после арабского завоевания большинство так легко приняло ислам? Это хорошо описал Тойнби: Ближний Восток был периферией греко-римского мира. Арабы вернули Палестину в семитскую стихию после столетий эллинизации. Ислам воспринимался как возврат к древней семитской религии, халифат – как преемник царства Соломона. Арабский родственен арамейскому, поэтому легко прошла арабизация.

В истории Святой Земли людям часто приходилось выбирать: земля или вера. Священники обычно выбирали веру, крестьяне – землю. Но они продолжали почитать тех же святых, от Адама до Иисуса, молились на тех же гробницах, возделывали те же оливы, ухаживали за родниками.

Евреи и палестинцы – две ветви одного народа, братья. А мы воюем, «своя своих не познаша». Если есть какой-то смысл в возвращении – так это как раз слияние в один народ,

чтобы вылечить нашу шизофрению...

– Вы перевели на русский Агнона, главного идеолога исхода в Святую Землю. Он все время писал, как Палестина и евреи подходят друг другу...

– Для Агнона возвращение на Святую Землю было духовным процессом, постижением себя. Знаете рабби Нахмана из Браслава? Был такой хасидский святой, он долго собирался в Палестину, все продал, приплыл, пробыл одни сутки – и поплыл обратно. Ему хватило. Поэтому религиозные евреи и не любили сионистов. Потому что произошла подмена. Мой прапрадед приехал сюда и жил спокойно, никто его не обижал, с палестинцами он не ссорился. А сионисты любят эту землю, но любовью некрофилов. Они готовы убить ее, лишь бы обладать ею. На мой взгляд, смысл исхода, возращения на Святую Землю – это возвращение к корням, гармонизация. Агнон-то воспевал настоящую Палестину, с пастухами и баранами.

– Вы еще перевели джойсовского «Улисса» и сделали новый русский перевод «Одиссеи». Чем вас Жуковский не устраивал?

– Да Василий Андреич прекрасен, но все переводы, в отличие от оригиналов, устаревают. Мы же не можем читать Гомера так же, как двести лет назад. Было другое сознание совсем – вы вспомните хотя бы, что они тогда носили. А тем более мы не можем читать его так же после Джойса. Я переводил Гомера, опираясь на английский перевод Лоурен-

са Аравийского. У него совершенно другое видение «Одиссеи» – непосредственное, brutальное. Лоуренс был археологом, раскапывал города той эпохи, держал в руках их оружие, утварь, изучал дома, наносил на карту их города. Но, с другой стороны, он был авантюристом и воином – жил среди бедуинов, походной жизнью, охотился на вепря, ходил под парусом, гнул луки, ткал ткань, строил лодки, убивал людей в бою. Жизнь Одиссея была ему гораздо понятнее, он перевел ее на наш язык – без гекзаметра и постоянных эпитетов...

Газа

Мы спускаемся в Израиль, подъезжаем к блокпосту.

– Если что – мы ездили в еврейское поселение, а то пять тысяч долларов штрафа.

– Почему снова началась война?

– Ну, Израиль торопился выпить свой стакан крови до закрытия заведения – пока Обама не пришел. Кто знает, когда в следующий раз придется. Но ничего особенного в этой войне нет: Израиль бомбит Газу уже не знаю сколько лет. Это уникальный эксперимент: до чего можно довести мирный крестьянский народ, если его посадить в концлагерь и десятилетиями мучить. Знаете, что такое Газа? Это ГУЛАГ. Плотность населения там в десять раз больше, чем в Израиле, полтора миллиона человек на крохотном пяталке. Воевать с ними – одно удовольствие: летаешь над лагерем да

бомбишь.

– Но там террористы?

– Ну да, когда ХАМАС своими самодельными шутихами обстреливает Ашкелон и убивает четырех человек – это терроризм. А когда Израиль бомбит Газу и убивает тысячу, в том числе четыреста детей, – это борьба с терроризмом. Первым делом разбомбили школу местных гаишников, у которых был выпускной, сразу убили полтораста человек, объявили боевиками...

– ХАМАС обстреливал мирные города, сам нарушил перемирие.

– Да и Израиль точно так же нарушал, тоннель там разбомбил. Его все время нарушают, не в этом дело. Вы спросите лучше, почему они стреляют? Чего хотят-то? Евреев в море сбросить? Хотят, чтобы блокаду сняли. «Перестаньте душить – не будем стрелять», – сто раз это заявляли. Но блокаду держали, чтобы свергнуть ХАМАС, – считали, что палестинцы поголодают-поголодают и одумаются. Такое вот идиотское предположение. Конечно, популярность ХАМАС только выросла.

– Но если снять блокаду, ХАМАС закупит оружие.

– А почему вас не пугает, что Израиль закупает оружие? ХАМАС – законное правительство Палестины, больше вам скажу: единственное демократически избранное правительство в арабском мире.

– ХАМАС хочет уничтожить Израиль.

– А Израиль хочет уничтожить ХАМАС. Это вас смущает? Над Израилем – что, нависла угроза уничтожения? Знаете, все эти разговоры сводятся к тому, что евреи правы потому, что они евреи, а арабы неправы потому, что они арабы. Даже если их убито в сто раз больше. Жизнь еврея и палестинца равнять нельзя. Понимаете, в основе еврейского сознания лежит глубокое сомнение в равенстве еврея и не-еврея. Хороший еврей хорошо относится к животным и гоям – но есть же граница. Крестьянин любит барашка, но к празднику зарежет. Вас же не мучит совесть, если вы кошку с дивана согнали. Вот и евреи спокойно относятся: понадобилось место – палестинцам пришлось уйти, что поделаешь.

Вообще причина в том, что евреи воспринимают себя как жертву. Это основа национального самосознания. И оказавшись с новыми соседями, они тут же воспроизвели привычные отношения – только в роли мучителей. Такая месть не по адресу. А жертве все можно, что ни сделаешь – все защита. Но, знаете, можно ведь победить это в себе, отказаться от мелкого племенного эгоизма. Я это называю: «убить в себе еврея». Мне кажется, каждый должен это сделать.

Я знаю, что израильские левые не очень любят Шамира. Он хулиган, трикстер, провокатор, пишет в газету «Завтра». Он обожает ломать стереотипы, выворачивать наизнанку, смотреть на вещи с других ракурсов. Ему скучно стоять на месте. Недаром он перевел Лоуренса Аравийского – Шамир и сам авантюрист и гедонист, ему интересно жить, во-

евать, путешествовать, заниматься политикой. Он похож на еврея-революционера 20-х годов – из тех, что делали революции из интереса.

Власти Израиля его очень не любят. Через день после нашей прогулки фотокор «РР» Юрий Козырев обратился в правительственное бюро по связям с прессой за аккредитацией в сектор Газа. Директор бюро Дани Симан ответил, что, по их сведениям, Козырев встречался с «врагом народа Израэлем Шамиром» и никаких аккредитаций в Израиле никогда больше не получит. В Газе мы собирались поговорить с палестинскими правозащитниками, тоже имеющими критический взгляд на свое общество. Но израильские власти оставили Шамира без оппонентов.

Шура Буртин (Русский Репортер)

Война духа¹

Апокалипсис – сейчас

I

По зеленым лужайкам Гайд-парка бродит старый бродяга с потрепанной картонкой, на которой написано «Конец света близок». Он бродит уже много лет, если это тот же бродяга, который попался мне на глаза тридцать лет назад. Но и остановившиеся часы рано или поздно покажут правильное время. Неужели этот зловещий момент наступил?

Волшебная пентаграмма Пентагона сломана, и Вавилонская Башня Близнецов рухнула одиннадцатого сентября 2001 года. Евреи правят в Святой земле. Доллар высок, но творческий потенциал христианского мира достиг своей самой низшей точки; в магазинах – столпотворение, но церкви – пусты; кругом полно дилеров и брокеров, но нет новых художников, поэтов и святых. Наводнения и ураганы, летом снег, зимой – жара, отравленные реки и пересохшие озера напоминают нам, что наша Мать-Земля тяжело больна. Апо-

¹ При участии Юрия Козырева

калипсис – сейчас, и многие люди остро чувствуют это в последние годы.

Джастин Раймондо написал о статье в «Еженедельных Мировых Новостях», («этой аляповатой бульварной газете, в чтении которой никто не признается даже у кассы супермаркета»), с ее странно-пророческим сообщением: «Лик Сатаны сфотографирован над американским Капитолием!» Была даже приложена картинка, излучавшая откровенное зло: тонкое, издевательское лицо глядело из плывущего черного облака, горящие безумные глаза, и рот, искривленный в сатанинской глумливой усмешке. «ЕМ Новости» цитируют «одного неназванного бывшего оперативника ЦРУ»:

«Тут изображено олицетворение ужаса, ничего подобного мы никогда не видели в этой стране. Имеем ли мы дело со сверхъестественным явлением? Является ли «это» иной формой жизни? Либо, что за черт, я спрашиваю – это был Дьявол собственной персоной?»

Подобное чувство, некогда разделяемое только очень чувствительными индивидуумами с развитым воображением, либо преданными читателями «Еженедельных Мировых Новостей», сегодня растекается по всей шахматной доске социума. В Москве и Нью-Йорке, Иерусалиме и Багдаде, Париже и Берлине, нерелигиозные и практичные люди обращаются друг к другу с вопросом: «Неужели это конец света?»

«Да, он самый», ответил на этот вопрос известный американский философ, Иммануэль Валлерштейн, но добавил

осторожную оговорку в заглавие своей книги с весьма точным названием: «Конец (известного нам) Света». Он пришел к выводу, что продолжительный период человеческой истории подошел к своему непредсказуемому финалу. Мир, каким мы, наши родители, наши дедушки и бабушки его знали, и в самом деле приходит к концу.

Он полагает, что «известный нам мир» сложился примерно 500 лет назад в Западной Европе и достиг своего апогея в Соединенных Штатах Америки. Он характеризовался специфическим феноменом развития человечества, называемым «капитализмом» или «рыночной экономикой». Валлерштейн смело отклонил аксиому «неизбежного прогресса», и заявил, что подобный феномен не был неизбежным или полезным, но случайным и отрицательным процессом, абберацией в истории человечества. Практически все общества содержали и содержат капиталистические элементы, но обычно они остаются маргинальными. Здоровое общество умеет их ограничить и сдерживать. Как только капиталистические элементы успешно пытались прорваться от периферии к центру, их сдерживали путем экспроприации или погромов. Ведь капитализм – это болезнь, и ее надо уметь остановить, пока она не уничтожила организм общества.

Неизбежность экспроприации заложена в самой сути капитализма. Предположим, что Иуда Искарриот не выбросил свои тридцать сребреников, но отдал под процент в банк. К нашему времени его вклад стоил бы больше, чем вся земля,

если бы она была сделана из чистого золота. Этого не может быть, потому что время от времени происходят экспроприации.

Валлерштейн сравнил этот механизм с иммунной системой организма. Расцвет капитализма в Западной Европе был аномалией, внезапным коллапсом иммунной системы европейского общества. Вирус капитализма прорвался, и Европа стала на путь политического и военного успеха.

Чтобы понять характер европейского преуспевания, возьмем для примера осажденный город. Пока голодные и слабые граждане ощущают единство своей судьбы, чувство братства поддерживает их. Но когда побеждает индивидуализм, когда клич «каждый – за себя!» открыто звучит на улицах, некоторые люди замечают, что с голодом можно справиться, если заняться людоедством. Сильное и спаянное общество ликвидирует людоедов. Но если чувство общности судьбы и братства подведет, людоеды овладеют городом. Их поведение можно будет считать успешной стратегией выживания. Люди последуют их примеру, потому что люди обычно следуют успешной модели поведения.

Так западная пропаганда призывает не-западные народы (в том числе Россию) избрать парадигму индивидуализма, чтобы следовать западной модели. Но эта тенденция губительна, она разрушает общество и природу, и может привести нас на край пропасти. Вероятно, мы уже давно оказались бы под Железной Пятой олигархии, как Джек Лондон

предчувствовал еще в 1910 году, если бы Русская Революция 1917-го не потрясла мир и не предложила альтернативу, пишет Валлерштейн.

Благодаря русской революции народы Западной Европы и Северной Америки получили возможность сформировать свое общество благосостояния, в котором средний класс был заметен, и рабочие жили довольно сносно, а страны Третьего мира получили отсрочку от карательных рейдов и колониальных захватов. Накануне 1917-го Англия, не смущаясь, обстреляла японский город Шимоносеки, мстя за убийство британского дипломата. Накануне 1917-го голландцы убивали индонезийцев тысячами и десятками тысяч, чтобы обеспечить свое владычество. Накануне 1917-го социальные контрасты и противоречия в европейском обществе были столь же огромны, как в странах современного Третьего мира. С крушением социалистической системы в 1991 году, эта длительная «передышка истории» закончилась. Мы вернулись назад, в 1917 год, считает Валлерштейн, и оккупация Ирака американцами – прямое продолжение дореволюционной политики англо-американцев.

Значит ли это, что элиты, потерпевшие поражение в 1917 году, смогли вернуть себе утраченные позиции? Нет. Старые элиты ушли со сцены, князья и графы остались в романах великосветской жизни и в фильмах Никиты Михалкова. Их место заняла новая общественная и духовная сила. В своих статьях я называю их «мамонцами», почитателями Мамоны,

или неоиудеями, поскольку эта многонациональная группа имитирует некоторые еврейские тенденции. Мамонцы сражались со старыми элитами на всей поверхности планеты, время от времени заключая союз с левыми силами. Они использовали русскую революцию, чтобы изгнать или истребить старые русские элиты. В Англии и в Скандинавии старая элита потеряла власть с появлением социальной демократии. Немецкая элита была частично уничтожена, частично «перевоспитана» Гитлером, а в Италии местная элита была раздавлена в ходе Второй мировой войны. Пока штурвал власти находился в руках старой элиты, мамонцы проповедовали идею равенства и передачи власти и ресурсов от старой элиты в руки простых людей.

Это было время больших надежд. Богатство и организационные структуры мамонцев помогали подлинным сторонникам равенства, и лишь немногие задумывались над тем, каковы истинные планы их могущественных союзников. Пока банкиры, адвокаты и владельцы СМИ поддерживали гуманистическую повестку дня, гуманисты игнорировали их более глубокие замыслы. Это было ошибкой, потому что тем временем они овладели дискурсом и стали его хозяевами.

Чтобы уяснить этот концепт, вспомним старый фильм Вуди Аллена *What's Up, Tiger Lily?* Американский режиссер взял японский фильм второго сорта, слегка перемонтировал и записал новую звуковую дорожку. В результате получился новый фильм с новым объяснением событий, но-

вый нарратив. Нечто подобное делает и Гоблин, знаменитый русский дублер: так, он превратил «Ночной Дозор» в «Ночной Позор», а «Братство Кольца» в «Братву» переозвучиванием. «Сады Скорпиона», замечательный ленинградский фильм, целиком построен на изменении нарратива старых советских фильмов. Как и фильм, наш мир можно интерпретировать по-разному. Когда вы смотрите хороший фильм, скажем, *L'Année dernière à Marienbad*, без звука или на непонятном вам французском, вы не уверены в том, что вы видите. Наш мир более сложен, чем фильм Алена Рене, и только дискурс помогает нам понять весь спектр событий. В свободном дискурсе высказываются различные мнения о содержании «фильма», и «зритель» склонен выбрать усредненную позицию. В режиссированном дискурсе Хозяева исключают неприятные для них опции, и «зрителя» ведут к позиции, «усредненной в рамках предложенного дискурса», что и требовалось.

Например, Генри Киссинджер, руководя американской внешней политикой, разорил Камбоджу. На эту маленькую страну в Юго-Восточной Азии обрушилось больше бомб и мин, чем на Германию во Вторую мировую войну. Уцелевшие беженцы бросились в оккупированную американцами столицу – единственное место, которое они не бомбили. Население столицы выросло до невозможных размеров. В это время партизаны под водительством Пол Пота разбили американцев и взяли власть над руинами Камбоджи. В безвы-

ходной ситуации они пошли единственно возможным путем и послали беженцев обратно в свои села, превращенные американцами в минные поля. Хозяева Дискурса пересказали эту грустную историю, опуская коверные бомбежки Киссинджера и подчеркивая жертвы вынужденного возврата к нормальному положению вещей. Теперь все знают о массовых убийствах в Камбодже, но никто не помнит американские бомбежки. Мы «знаем» о «преступлениях коммунистов» и забываем о преступлениях мамонцев. После Второй мировой войны англичане и американцы создали обширную сеть концлагерей, в которых погибли миллионы немцев, коммунистов, малайцев, греков; но Хозяева Дискурса говорили только о сталинском ГУЛАГе. Палестинец, уроженец Яффы, не мог вернуться в родную Яффу – его не пускали евреи, но Хозяева Дискурса озвучили только требования русских евреев уехать в Яффу, где они никогда не были.

Мамонцам удалось создать уникальную всемирную машину дезинформации, захватив СМИ и заняв контрольные позиции в университетах. Их пресса прославляла тех, кого они хотели прославить, и стирала память о тех, кто им не был нужен. Эта машина дает сбои, но она все же способна генерировать нарратив для миллионов.

Если до 1968 года мамонская машина разламывала старые устои, требовала больше свободы, после 1968 года мамонская задача была выполнена, и началось закручивание гаек. Вместо свободной любви пошли страшилки о СПИДе,

и бесшабашных героев прошлого сменили послушные солдаты новых голливудских фильмов. В 1968 году мамонцы изменили революции, – они достигли своей цели и смогли встроиться в старую элиту. Они оставили красивые слова о равенстве и о гражданских правах, и приняли новую доктрину порабощения человека человеком. Подобным образом буржуазия использовала напор и гнев народных масс – низших классов – во время Французской революции 1789 года. Рабочие и крестьяне расправились со старой аристократической элитой, и тогда новая буржуазная элита оттолкнула народ от руля, дав ему коленкой под зад, и пришла к власти с помощью военного гения Наполеона.

После 1968 неустанная История начала свой новый виток. Мамонцам больше не нужна демократия и государство всеобщего благоденствия. Теперь для укрепления своего правления они нуждаются в новом Наполеоне. Именно поэтому после 9/11 силы олигархии зачеркивают Хартию о Правах Человека, демократические свободы, хартию ООН и международные соглашения, и создают новый мир, в котором останется несколько миллиардеров, урезанный до минимума средний класс, обнищавшие рабочие, и мощные армейские и полицейские силы. Они надеются выйти непобедимыми из переходного периода хаоса и суматохи. Но одновременно этот темный час – время нашей надежды.

Завтрашний день скрыт от наших глаз не случайно. Мы дошли до поворотного пункта истории, говорит Валлер-

штейн, это исторический перекресток, один из тех, что возникают раз в тысячелетие. Подобная развилка – эпоха нестабильности по определению. Это – время, когда даже небольшие усилия индивидуума способны изменить ход вещей. В периоды стабильности даже колоссальные усилия мало что меняют. На протяжении нескольких столетий люди верили в predetermined и неизбежный исход исторического пути: будь то марксистская мечта, государство всеобщего благоденствия, или Второе Пришествие. На сей раз этой уверенности пришел конец. Мы можем рухнуть в пропасть нового Темного Времени, нового средневековья, в страшную антиутопию, и наши дети никогда не простят нам нашего бездействия. Но мы можем сопротивляться, надеясь на лучшее.

Карл Маркс однажды описал человеческую историю как историю классово́й борьбы за собственность на средства производства. Неодарвинисты видят историю, как состязание групп и народов за ресурсы, или как Столкновение Цивилизаций. Но я вижу в истории войну идей. Бомбежка Соединенными Штатами телестанции «Аль-Джазира», вскоре после американской бомбежки сербского телевидения напомнила нам об исключительной важности живого слова. Действительно, владельцы газет, телевидения, университетов и кинематографа, короче, Хозяева Дискурса, стали самой мощной силой наших дней. Они, а не производители стали и нефти, определяют нашу судьбу. Главная битва наших дней – это война за дискурс, его надо освободить и воз-

вратить народу.

Сегодня этот вопрос обсуждают во всем мире. От Японии до Калифорнии, от Малайзии до Франции люди пытаются выработать новые стратегии для борьбы с ненавистными Хозяевами. Все чаще они обращаются к религии, как к проверенному оружию защиты. Они интуитивно чувствуют огромный потенциал братских чувств, заложенный в вере. В осажденном Граде Божьем не было людоедов, потому что люди, объединенные единым причастием, не поддались бы им. Это чувство находит подтверждение и в реакциях наших врагов, которые ненавидят «фундаментализм», будь то православный, католический или исламский, пуще всего. Главная мамонская держава планеты назвала «фундаменталистами» своих противников по войне с террором, сразу после разрушения коммунистической утопии. Недаром народ Палестины избрал «исламских фундаменталистов» Хамаса, недаром «коммунистические фундаменталисты» Северной Кореи и Кубы – на прицеле врага, и «шиитские фундаменталисты» Ирана готовятся к бою. Пока «светские» силы левых и правых не спешат заключить союз с неожиданными союзниками. Поэтому мы должны заново переоценить место для связи Человек – Бог в нашей борьбе за всемирную свободу.

II

С глубокой древности Человек знал, что самое важное в

мире – это его связь с миром духовным. Было много дворцов, но лишь храмы пережили все стирающие пески веков. Когда мы плывем вниз по Ирравади, в суровой полупустыне Верхней Бирмы, мы видим космический флот, приземлившийся на голых холмах в излучине реки. Это множество пагод, как ракеты, глядят на небо. На дальнем берегу Нила храм Дендеры возносит свои колонны, охраняя драгоценный и непрочный облик Нут, богини Ночи. Ее тело плывет, как река в небесах, ее изгиб образует прямой угол. А с другой стороны реки, чуть к югу, две шеренги сфинксов ведут путника к храму Карнака. Египтяне строили свои вечные пирамиды, которым суждено пережить человечество и смерть. Они строили храмы, чтобы напомнить нам: самое главное на свете – это наша связь с Горним миром.

На низких поймах Нерли возле Суздаля свечой стоит стройная церковь. Храм Покрова на Нерли был построен восемьсот лет назад, но от него и по сей день захватывает дух. Забившись в медвежий угол Центрального Массива, Собор Конка весь украшен резными фигурами святых. Совершенный купол Иерусалимской мечети веками сияет на высоком берегу Кедрона, как маяк в море бед, а в нескольких километрах вниз по течению на краю обрыва застыла Великая Лавра Саввы Освященного. Тяжелые столпы окружают древнюю ступу на острове Аюттая, древней столице Сиама. Волны моря омывают Храм Заката Тана Лот на берегу острова Бали, куда крутобедрые балинезки несут на головах свои

приношения. Куда бы мы ни пошли, мы повсюду найдем самые прекрасные, самые важные изделия рук наших предков, обращенные Богу – от Собора Нидарос за Полярным кругом, до монастыря Тянгбоче в Гималаях, от черного камня Мекки до Сантьяго-де-Компостелла, от мегалитической мощи Стоунхеджа до гладкой мозаики камней Мачу Пичу, они напоминают нам о нашем предназначении, нашей миссии, нашем вознаграждении.

Предназначение? Да есть ли у нас предназначение, кроме того, чтобы сладко есть и весело проводить время? Да, у человечества есть цель и предназначение. Веками эта цель была – путь к Богу. Между битвами и объятиями наши предки обращались к Богу. Откройте Одиссею или Беовульфу, Данте и Чосера, Толстого и Гёте – и вы найдете эту цель вычеканенной на каждой странице.

Но в наши дни эта цель запрещена и забыта, и вместо нее нам предлагают новую цель – накопление материальных благ. Не ленивый и терпимый гедонизм, но истовая и рьяная жажда наживы стала господствующей парадигмой мира. Но наша цель, наша задача встроена в нас на молекулярном уровне, и она неизгладима – достичь гармонии и единения с Духом и с Землей. Не только как индивиды, стремящиеся к счастью, но и как один коллектив человечества мы желаем достичь цели и выполнить задачу.

Природа, или Бог, или Эволюция обычно дает нам вознаграждение за правильное поведение. Хотя спаривание необ-

ходимо для размножения, это еще и очень приятное занятие. Религия, как «правильная штука», тоже несет вознаграждение. Вознаграждение? Если верить Фридриху Энгельсу, религия – это страх перед неизвестными силами природы. Первобытный человек не мог понять, что такое гром, и придумал себе Громовержца. Представление человека о Боге – это зеркальное отображение общества, и Один Бог – лишь небесный близнец Царя-Самодержца. Не вознаграждение, но страх толкает к вере, и чем скорее мы расстанемся со страхом, тем быстрее достигнем справедливого общества. Звучит убедительно. Однако, если мы принимаем позицию Энгельса о Боге, мы можем заодно согласиться и с мыслями Марка Аврелия о любви. Этот римский император и поэт сказал, что любовь – это лишь трение слизистых оболочек, на что Тимур Кибиров ответил резко, но справедливо: «Сам ты слизистый, грубый дурак». Это – точка зрения импотента, скажем мы мягче. Но это же можно сказать и об Энгельсе. Человек, не способный ощутить бурю физической страсти или апофеоз души, ограничен и заслуживает жалости.

Религия – это путь единения с Божеством. На самой заре человечества люди узнали о высшем блаженстве души. Мы говорим о той несказанной радости, подъеме, счастье, которое мы называем апофеозом души, вхождением в райские кущи, вознесением души, слиянием с Богом, сатори и нирваной, трансом, экстазом, благодатью. У этого чувства много ступеней – от душевного подъема при молитве до вос-

торга причастия и до ликования души при слиянии с Господом. Это чувство хорошо известно людям, и было много раз описано. Оно сродни высшей земной радости, достигаемой в слиянии с женщиной. «Что может быть лучше секса с пятнадцатилетней блондинкой? – спрашивал себя Вуди Аллен, и отвечал: секс с двумя пятнадцатилетними блондинками». Но по сравнению с апофеозом души мечта Аллена не намного лучше заполнения годового отчета о подоходном налоге. ЛСД и наркотики не могут сравниться с благодатью.

Виктор Пелевин описывает беседу трех едоков грибов у костра. «В наркотике-то кайфа нет, это же просто порошок или грибочки. Это как ключ от сейфа». А можно ли открыть этот сейф без наркотиков, спрашивает другой. «Можно, для этого люди уходят в монастыри, и там прутся со страшной силой», отвечает первый. Почему же мы не знаем о вечном кайфе? Потому что «если ты к вечному кайфу прорвешься, тебе не будут нужны ни тачка, ни бензин, ни реклама, ни порнуха, ни новости». Люди не будут тяжело работать или красть, чтобы получить материальные блага, но устремятся к благодати, и на этом окончится прибыль бизнесменов, завершает герой Пелевина.

До недавнего времени этот «секрет» был известен всем. И хотя благодать не каждому дается, обычная воскресная служба может принести немало радости обычному человеку. Человек может надеяться подняться по трудной тропе и снискать благодать. Это знание было несовместимо с рын-

ком, и действительно, рынок занимал лишь скромное место в жизни общества. Общество было объединено круг церкви, храма, мечети, и это было первое самое важное здание, воздвигаемое в новом селе или городе, потому что духовные потребности человека не менее важны, чем потребности материальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.